

ЖЕНЩИНА В КРАСНОЙ КУРТКЕ

Олег ЧИСТЯКОВ,
г. Петрозаводск

Грустный, в задумчивости я стоял у окна. Размышлял о своей поломанной жизни.

Мимо дома проходила женщина в красной куртке. На миг она повернула голову в мою сторону, будто ища мой взгляд.

Меня как током ударило. А она «выстрелила» и ушла.

«Красивая... Наверное, счастливая... Мне бы такую». Горестно усмехнулся над собой. Кольнула боль недавнего развода с женой.

Женщина в красной курточке встретилась еще раз. Петрозаводск все-таки не так и велик. Мы шли навстречу друг другу. Я опять вздрогнул. Вглядывался в лицо незнакомки, запоминал. Она мельком посмотрела на меня, чувствуя мое удивление, прошла мимо. А я остановился и посмотрел ей вслед, чувствуя, что что-то меня в ней зацепило.

* * *

За суетой встречи стерлись, забылись. Но в душе я чувствовал какую-то тоску.

На помощь пришел писатель, редактор «Ленинской правды» Федор Алексеевич Трофимов. Он увидел мои мучения и загрузил интереснейшей работой: направил на советско-финскую стройку горно-обогатительного комбината собственным корреспондентом республиканской газеты. Заодно в мою «юрисдикцию» вошел и весь север Карелии. Обосновался я в строящемся городе.

Для журналиста в Костомукше был рай. Информации с избытком. Ее ждали в газетах, на радио и телевидении вплоть до Москвы. Условия работы были отличными. В новенькой двухкомнатной квартире одна комната служила кабинетом. Главное, в ней был телефон.

Заваленный работой, я все-таки позволял себе иногда гулять по диким, необжитым окрестностям стройки.

Однажды на планерке у директора строящегося комбината мелькнула информация: в старой Костомукше работают археологи. Вот туда-то я и направился. Удачно попал. Археолог Анатолий

Журавлев провожал студентов-практикантов, но и мне посвятил пару минут. Потом подвел к лодке на берегу. Весла, удочки и черви там уже ждали.

От деревни отплыл недалеко. Рыбак я избалованный. Доводилось, например, ловить треску в устье реки Кереть на Белом море, но и костомукшское озеро тоже удивило. Как ошалелый шел крупный окунь. Вскоре пришлось потрошить солидный улов.

Зашел в избу-новодел, базу археологов. И меня встретила та самая женщина... «в красной курточке». От неожиданности растерялся, сел, ведро с уловом поставил почему-то себе на колени. Обалденно молчал. Дама улыбалась. Забрала мой улов и тут же отослала меня на раскопы. Я так и не произнес ни одного слова. Вышел из избы и слонялся по деревне. Археология меня уже не интересовала.

Третья встреча не может быть случайностью — рассуждал с надеждой.

Откуда-то пришел Журавлев и стал рассказывать мне о своей работе. Я слушал вполуха.

К вечеру мы втроем, я, Журавлев и Этель — так звали незнакомку в красной куртке, сидели за столом и уплетали умело приготовленную наваристую уху. Ложка водки в кастрюлю прибавила вкуса. Остальную часть бутылки употребили сами, разбирая руками окуней.

Интервью не пришлось брать. Археологи просветили по полной: от древних находок на стоянках первобытных людей по берегам озера до ценнейших — на кладбище в берестяных коробах. Необычной находкой была собака в коробе со скандинавским крестом на шее.

Журавлев вскоре после ужина ушел отдыхать, а мы с моей новой знакомой проговорили до полуночи.

Оказалось, что у нас с Этель много общего. Интересы, уровень просвещенности и даже жизненные обстоятельства были схожими. Она, как и я, давно была в разводе.

На следующий день мы вместе пошли в город. По пути наелись черники и морошки.

В городе археологи задержались на день. Вечером я принимал их в своем офисе. Журавлев посидел недолго, а с Этель опять общались до полуночи.

Ученые уехали, а у меня остался домашний адрес и телефон Этель Леопольдовны Врублевской, дочери Л.Я. Теплицкого. Я немного знал его историю. Слышал о музыканте, её отце. Люблю джаз.

* * *

Что-то большое и радостное возникло после этих встреч. Нас потянуло друг к другу.

Через неделю меня вызвали в редакцию, но знал, что еду к Этель и что она ждет.

А потом снова журналистские командировки... Началась романтическая, полная нетерпения, переписка в стихах.

Влюбленная вопрошала:
*«О, журналист моей души,
 О, властелин и повелитель тела,
 В какой вы прячетесь глуши,
 Куда ушли на злое дело?
 Прошли недели, как года,
 Но вас не видят мои очи.
 Бессонны стали мои ночи.
 Неужто будет так всегда?
 В глуши холодной и печальной,
 Быть может, повстречали вы
 Карелку, чей стан величавый
 Затмил для вас мои черты?
 Ответьте мне, властитель слова,
 На миг с работой распротаясь:
 Когда приедете вы снова,
 Когда я вновь увижу вас?»*

Я разрывался между ошеломляющей стройкой, каких до этого мало было в СССР, и любимой женщиной.

Роман немолодых людей был счастливым. Мы торопились жить и жили жадно. Через месяц мы с Этель поженились. Из газеты я уволился.

* * *

Когда вернулся в Петрозаводск, временно пристроился в многотиражке. Это была уже пятая газета в моей жизни. После первой многотиражки, двух районных газет, в одной из которых

был редактором, и работы собкором «Ленинской правды» в Костомукше, в этой многотиражке было скучновато.

Искал работу. Предлагали должность директора бассейна, работу в райкоме КПСС, по поводу трудоустройства в общество «Знание» ездил даже в ЦК КПСС. Но всё как-то не складывалось... Однажды пригласили в архив.

С начальником Архивного управления Дмитрием Александровым — бывшим партизанским комиссаром, толковали долго. Выкурив с десяток папирос в течение нашей беседы, он уговорил меня принять дела. Его комиссарский опыт работы с людьми дал закономерный результат. Правительство республики утвердило меня на ответственную должность директора Центрального государственного архива республики.

Я не сразу понял, что с виду несложное дело, по сути — глубокое, в котором прикладное переходит в науку. Объемного, кропотливого труда требует архив во всех его подразделениях.

Увлёкся историей Карелии. Жена защитила в Москве диссертацию. Стала кандидатом физико-математических наук, талантливо преподавала физику в Петрозаводском университете.

Было много всякого интересного. Умудрялись путешествовать. Побывали в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Севастополе, посещали Ленинград, Выборг, Светогорск.

У меня и у Эттель росло по дочке.

Долго не давали квартиру, лет пять. В трехкомнатной квартире с тещей, четверым нам было тесновато. При первой возможности мы с женой «паслись» на природе. Хобби — археология, открыла Эттель много поэтических мест. Особенно ей нравилась Пегрема, в которой долго «копали» с Журавлевым.

Пегрема около Кижей, за озером, за Онего. Попадать туда было очень сложно. Стали искать что-то похожее на Пегрему.

Очередь дошла и до Сямозерья.

* * *

Сямозерье в ста километрах от Петрозаводска. Хорошо обжито и изучено изрядно. Недавно вышел в свет академический труд «Сямозерье»

в 900 страниц. Это успех карельских ученых, но и без ученых книг эти карельские места хорошо знают петрозаводчане, ленинградцы, москвичи, белорусы и другие путешественники по России. Все благодаря озеру. Сямозеро — это двадцать три вида рыб, ягоды, грибы, пляжи, хорошие дороги. Об этом можно написать не один том.

Мы объехали озеро до Кудамы и Сяргилахты.

Однажды побывали на пляже, с друзьями — ленинградцы разбили лагерь в несколько палаток, тогда созрело решение закрепиться на Сямозере, но ни домика купить, ни угол дачный снять не получалось.

В СЯМОЗЕРЬЕ

Было это лет сорок назад. Мы поехали на грибную охоту. Знакомые рассказали, что в районе Иматозера белые пошли. От этой железнодорожной станции двинулись в лес, на Сямозеро. По пути познакомились с пожилой карелкой, которая из Сегежи приехала навестить свое родительское гнездо. Она нас и пригласила к себе в Кишкойлу.

Белых мы тогда набрали отборных. Женщины пили чай, а я уже ловил окуньков прямо с деревенских мостков.

Зачастил в Кишкойлу. Тут же купил лодку, а для жилья и хранения весел — бывшую кухню мелиораторов.

Карелы — народ добрый. Первая наша знакомая предлагала обосноваться в ее доме постоянно, для сохранения жилища. В другом доме другая карелка пересказывала историю поселения и тоже предложила комнату в ее роскошном доме.

Старинные карельские дома — постройки удивительные, имеющие исторические корни. Карелы в Сямозерье пришли из Олонии, потеснили вепсов и прочно здесь осели. Четыре века наследники держат семейные дома в исправности, передают по наследству.

В Кишкойле на момент нашего появления стояла дюжина обитаемых только летом домов. Из них пять — традиционного карельского типа. К сожалению, в XXI веке один дом сгорел.

Карельские жилища хорошо изучены и описаны. Остались их считанные десятки во всей рес-

публике. Замечательны они тем, что в таких домах можно прожить год в автономном режиме, да еще скотину держать на первом этаже.

* * *

Быстро летели годы.

В деревушке мы отдыхали душой от своей работы, книг, бумаг, людей, всецело погружаясь в храм природы. Вначале главным для нас были рыбалка, грибы, ягоды. В радиусе километра от селения находили в достатке чернику, бруснику, клюкву, морошку, подосиновики, белые, моховики. Тогда нас еще навещали зайцы, лисица, норка, утки здесь живут как дома. Однажды по дороге я встретил медвежонка.

Деревенский образ жизни затягивает. Начались сельскохозяйственные дела... Вслед за петрушкой возле нашего скромного жилища на небольших грядках появились морковь, картошка, возникли парники. Один — для цветов, другой — для томатов. Однажды мы ахнули, когда, приехав, обнаружили, что деревенский фермер вспахал нам несколько соток под картофель. Так мы стали успешными сельхозработниками.

В деревне помимо старых, давно построенных домов было с пяток самовольно возведенных жилищ, типа нашего, в котором — плита, кровать, стол. Больше нам ничего и не надо было.

В Кишкойле много лет ничего капитального не строили, хотя в других деревнях Сямозерья строительство шло активно. Секрет был прост — в деревеньке не было электричества. Не было прописанных на постоянной основе жителей. В административном делении Кишкойла не существовала, на картах отмечалась как «нежилая».

Время, остановившееся век назад, вдруг переменялось: самовольщикам и другим желающим неожиданно нарезали землю и разрешили строиться.

Нам дали землю!

Поселковый Эссойльский совет закрепил историческое решение документами.

Мы с Эттель поехали в Соддерское лесничество и заказали сруб домика. Его изготовили из толстенных стволов, и местные мужики домик собрали, а я вооружился топором, пилой, молот-

ком и веранду, крышу доделывал в одиночку. Не зря в моей трудовой книжке когда-то было записано: «плотник третьего разряда».

Жизнь в деревне приобрела совершенно другой комфорт. Мы планировали здесь жить долго, фантазировали и работали, работали, работали. Мечтали...

Пятнадцать лет жизни с Эттель были прекрасными. Росли дети. Главным, конечно, была жизнь и работа в городе.

Идиллию нарушила тяжелая болезнь жены. Росшая в годы войны, она накопила хворей. Безуспешное длительное лечение. Приговор я узнал за полгода.

Она ушла в шестьдесят. Мне тогда было пятьдесят пять лет.

В новый дом нога ее так и не ступила.

Мне бы все бросить, уехать, сменить место жительства, обстановку, но я не мог без Эттель. Она как будто была рядом, только отлучилась...

В деревню не сразу, но стал приезжать. Топор валился из рук, но я заставлял себя работать и забывался. Иногда вдруг как будто долетал издалека ее голос: «Лешик, кушать!»

* * *

Только через пять лет меня снова прибило к семейному берегу. В эти трудные годы спасали работа и доброе отношение ко мне сотрудниц Национального архива республики.

И опять случай. Как-то дал себе слово: вот войдет очередная женщина в мою квартиру и поставлю в поисках точку. И она вошла...

С тех пор прошло двадцать пять лет. Теперь с удовольствием «воюю» с третьей женой, носящей звание прабабушки. Благодарен ей за понимание, доброту, заботу.

В деревне я достроил дом, но мои женщины — жена и дочь, были равнодушны к этому уютному убежищу, а для меня оно стало спасением.

Когда вышел на бедную пенсию, осмотрелся вокруг и решил... заработать миллион. Как это так: капитализм пришел, а я миллиона не имею! И желание исполнилось. Правда, позже выяснилось, что я мог получить и больше, но ведь се-

рьёзно к своей идее я и не относился. Всё делал шутя. Не в деньгах же счастье. По крайней мере, так считали советские люди.

А дело было так. В деревне случился пожар. Сгорело три дома. Решил защититься от возможной беды. Принял решение: строю каменный дом.

Был плотником, стал каменщиком. Выезжая на Сямозеро, в свою «Ниву» загружал по семьдесят кирпичей. И каких! Красный кирпич от разобранных складов. Хоть на печь его, а я — на стены.

К деревянному дому пристроил три каменных стены — комнату в 20 квадратных метров. И куда мне все это? Но хотел же стать миллионером...

И получил свой миллион, продав землю успешному бизнесмену. Мужик оказался толковый, умелый, интересный, по образованию — инженер, вырос в Карелии, рыбак. Все мои постройки (дом, баня, сарай) остались за мной до самой моей смерти.

Кирпичных построек в деревне не было. Свою соорудил, не купив ни одного кирпича.

Вы думаете, что я только и строил? Нет, изучил ножками все грибные места, ягодники, вплоть до морошковых. На рыбалке себя ограничивал уловом в своем заливе.

Деревня стоит на большом полуострове, прижатая к воде сельхозполями. От большого озера ее защищает огромный остров. Есть и маленький остров, заливы, пляжи. Я все «оприходовал». Рыбак я — удочник, но без щук редко уезжал домой.

Всё просто. Во второй половине дня подплываешь к тростникам, ловишь мальков. Все пригодно. Плотву и ерша хищница любит, но и окуньком не брезгует, а он дольше всего, выносливей служит приманкой.

Малька насаживаешь на тройничок, леска метра три с грузилом. Все это намотано и слегка в прорези закреплено на куске пенопласта, а он крепится к стеблю тростника. Через тридцать метров штук десять самоловов к утру дают две-три щучки, тростниковых, некрупных. Бывают исключения — из глубины в гости и мощная хищница наведается.

Хватало меня на все удовольствия, только парники, картофель уже не входили в мои занятия. Остались смородиновые кусты, черноплодка, калина, крыжовник, ирга...

Избавился от земли без сожаления. Лет десять назад на моей бывшей земле стали возникать чудные строения по красоте и качеству. Первыми выросли сарай и баня. Долго готовился лес, из которого построен двухэтажный красивый дом. Для такого дома и место требовалось красивое. Махнул на всё своё рукой, отдал место под своим домом новому хозяину земли кишкойлской.

Рукастые мужики разобрали мой каменный дом, сильно поматюгавшись, а деревянный поставили на бревна и переместили метров на пятьдесят ближе к церкви. Домик оказался прямо-таки с ноженьками, как в сказке.

СЛУЧАЙ В КИШКОЙЛЕ

На моих глазах разбирали построенный моими руками дом под голубой крышей. Его уюту много раз радовались мои родные, друзья и просто гости из разных уголков России. Все завидовали такой «даче» и навсегда запоминали, уносили с собой удивительную окружающую красоту этого места. Вот тогда они и понимали, почему я на всю жизнь застрял в Карелии, а мог жить в Ленинграде, Выборге, Саранске, Киеве, Ростове-на-Дону, Владивостоке. Во всех этих местах были у меня друзья и родные. Там меня ждали какое-то время.

Главное для меня то, что четыре десятка лет этот уголок был частью меня...

* * *

...Крыша дома еще была цела, но от веранды остался только пол и одна застекленная стена. Основной сруб был уже очищен от обшивки изнутри и снаружи.

Я посидел на бывшей веранде, погладил мощные теплые бревна. Рядом с остатками имущества стояла «Емеля». Моя любимая печка, столько тепла отдавшая мне и огня, который светил мне и моему уютному миру зимой и летом. В

свете живого огня этой печурки-буржуйки много-много переплавилось горести и много возникло доброго...

Забрал «Емелю», унес к своей баньке на берег и пошел в священную сосновую рощу. Это еще одна ценная, неповторимая достопримечательность Кишкойлы. Десятка два мощных сосен-великанов, помнящих еще времена Петра I, расположились на полуострове, по берегу. Здесь же стоит церковь XVIII века, освящая старинное кладбище.

Когда попадаешь сюда, устанавливается связь с теми, давно ушедшими временами, и возникает какое-то необычное, почтенное, святое чувство к этой роще, к этой церкви, соснам, к людям, которые здесь провели земную жизнь.

* * *

...Спину мою грел грубый ствол моей любимой сосны. Здесь с Эттель мы иногда говорили «за жизнь»...

Мои мысли вертелись у основополагающих вопросов нашего существования: «Зачем живем?», «Что после себя оставляем?»

Вот Леопольд Теплицкий как много оставил...

ТЕПЛИЦКИЙ

Отец Эттель — Леопольд Теплицкий... Карелия знаменита Теплицким. О нем много раз писали журналисты. Жаль, что для этого не нашелся умный тонкий писатель. Лучшее, что есть о Л.Я. Теплицком, — очерк моего коллеги, журналиста и писателя Константина Гнетнева в книгах «Беломорканал». Очерк коротко передает историю жизни музыканта, но небольшому очерку трудно рассказать о той трагедии, которую пережил этот творческий человек.

Жизнь Л.Я. Теплицкого можно условно разделить на три этапа. От рождения до поездки в Америку — первый. Второй — артист Беломорканала. Третий — жизнь в Петрозаводске. Первый и третий были блестящими. Его имя как музыканта, приведшего в зрительные залы России джаз, вошло в историю мировой музыки.

Об этапе на Беломорканале, где не сразу Теплицкий стал работать в театре карельского ГУЛАГа в Медвежьегорске, Леопольд ничего не рассказывал, родным запрещал говорить о джазе. Но джаз он любил и помнил — в карманах его пиджаков всегда находилась сложенная в несколько раз афиша о выступлении джаз-банда. Эти перетертые на сгибах афиши 1927 года я храню в своем архиве. Они есть даже с пометками Леопольда.

Еще одна привычка, очевидно, пришла из ГУЛАГа. Долгое время семья жила в деревянном доме. Леопольд держал голубей. И ещё очень любил молча вбивать, вроде бы бесцельно, гвозди в деревянный забор своего дома. Видно, до театра он работал на Беломорканале рабочим.

Третий этап его жизни — это триумф волевого человека, который, несмотря на обиды на советскую власть, все свои таланты музыканта, педагога, дирижера, композитора, организатора, отца отдал служению родине.

Петрозаводск его помнит — недавно здесь отметили 130-ю годовщину со дня рождения музыканта.

У Леопольда было четверо детей: сын от первого брака, сын и две дочери от второй жены, петрозаводчанки. Дочка Галли живет в Москве, есть внуки и правнуки в Москве и Беларуси.

Теплицкие воспитали достойных детей. О сыне-ленинградце мало что известно, но отец тайно с ним переписывался. Дочки выросли в Петрозаводске, по образованию — физики с высшим образованием, как и брат.

Дочь Эттель, внучка Леопольда — Марина и ее сын получили музыкальное образование в Петрозаводской консерватории.

Неоценимой заслугой Теплицкого стал вклад в музыкальную культуру Карелии. Это помнят и чтут в республике. Например, одно время в Петрозаводске проводился джазовый фестиваль имени Л.Я. Теплицкого. Министерство культуры республики помогло установить памятник музыканту на кладбище и памятную доску на доме, в котором он жил.

Так было не всегда.

Давно, после ухода из жизни разностороннего музыканта, было решено присвоить имя

музыкальному училищу, где он преподавал, но «компетентные» органы остановили это дело.

Бывший зэк, шпион в пользу Америки, в то же время заслуженный артист и деятель искусств Карелии, был не реабилитирован. Власти об этом просто не догадались. Так и умер в 1965 году в 75 лет врагом народа.

Реабилитацию организовала дочь в 80-х, обратившись в Ленинград, в органы.

Леопольд Яковлевич оставил после себя большое наследство в культуре, но не всё сумело оценить Министерство культуры.

Эттель вложила много сил, чтобы закрепить и увековечить труд отца. При ней начал создаваться личный архивный фонд композитора. Здесь мои личные и профессиональные интересы совпали, архив создал уникальный памятник музыке. Фонд имеет большое научное значение, но не все и не сразу осознали и оценили вклад музыканта еще и в «бумаги».

Мне пришлось разбирать огромный домашний архив Теплицких. Квартиру продали, а что делать с кладовой, заполненной нотами со всего света и литературой о музыке?

Семья предложила: хотя бы по цене макулатуры принять сокровище на хранение. Вес — больше тонны.

Министерство культуры тогда «не поняло», о чем идет речь. Отказали, нанеся непоправимый ущерб республике.

Куда я потом только не предлагал ценнейшие партитуры! Часть удалось пристроить в Национальной библиотеке, часть — в симфоническом оркестре, часть — продали. Музыкальное училище ничего не взяло почему-то, кроме пианино Теплицких.

В 2025 году в «винтажке» на проспекте Ленина в Петрозаводске коллекционеры с удовольствием за тысячи рублей приобретали нотные тетради XVIII, XIX, XX веков, удивлялись, что им предлагают сокровища Теплицкого.

Иногда прихожу к Эттель и Леопольду на кладбище. Они лежат рядом — отец и дочь. Подолгу беседую с ними, советуюсь. Они помогают.

Перезваниваюсь с Галли, Мариной, правнуком... Теплицкий живет среди нас до сих пор. Мужественный и толковый был человек.

* * *

Подумал, почему я не сохранил «домик под голубой крышей» в деревне? И сам себе ответил: потому, что не жила в нем Эттель, только видела сруб.

В Кишкойле не поняли, зачем я разорил дом. Может, и самому пригодился бы еще, да вот и внук есть. Но не нужен домик внуку, не рыбак. Он — другого века, на другой волне живет, гамбургер ему дороже блинов с черничным вареньем.

Через неделю после начала сноса от моей рыбацкой хижинки не осталось ничего, даже мусора. Я не грустил. Подкоплю немного денег к тем, что выручил за него, и отошлю на фронт. Был бы помоложе, сам бы пошел добровольцем.

ЭТТЕЛЬ — МОЯ ЖЕНА

Память человеческая так устроена, что сохраняет в себе то целые былые события, то отдельные мгновения. За последние десятилетия многое у меня в памяти просмотрено, разобрано, изучено. Так или иначе, память помогает жить.

Эттель вошла навсегда в жизнь, как что-то большое, дорогое и доброе. Она была светлым человеком.

Не помню, чтобы о ком-то отозвалась небрежно. Не встретил ни одного человека, который о ней отозвался плохо.

За грибами могла пойти за сто километров. Ловила рыбу с удовольствием.

У нее было еще одно «хобби», тогда запретное. Эттель готовила школьников к поступлению в университет. Десятки этих абитуриентов, теперь уже седых, до сих пор ее помнят и благодарят. Многие стали учеными, педагогами, профессорами.

Меня она просто подняла до своего уровня. Я резко сменил профиль работы, ничего в новой не понимал, она помогла решиться и сделать всё хорошо. Получилось. А без нее — вряд ли.

Её поддержку чувствовал всегда.

Много за что можно сказать Л.Я. Теплицкому спасибо, а за дочь — особо.

...Первая встреча с ней на улицах города. Её красивая седина пышных волос. Все думали, что она красит волосы, но это было не так. Лицо приятное, улыбочное. Общаться с ней было легко, любила юмор.

Врожденный дар педагога — редкий дар. Надо быть как бы со всеми напряженной, начеку и опередить собеседника добротой, улыбкой, глубоким вниманием. Это нелегко, но она умела переключаться, отдыхать. Как? В творчестве. У неё были очень интересные темы исследований первородной меди в Карелии. Хобби пересекалось с научной работой на кафедре физики твердого тела в университете.

Блестящая была. Есть женщины: во что ни одень — нет привлекательности. А есть светящиеся снаружи и изнутри. Всё-то им к лицу. Эттель такой и была. Я понимал и принимал ее красоту — она шла изнутри, от ее души и сердца.

Эттель была по-житейски мужественная. Жила с пожилой мамой, воспитывала дочь, дала ей высшее музыкальное образование. Увидела и внука.

И только тогда, когда мы въехали в нашу новую убогую квартиру, увидел, как тяжело ей давалась до этого её «благополучная» жизнь в трехкомнатной, с мамой.

У Эттель я научился жизненному мужеству. Когда меня, уже после её смерти, жизнь прижала, приходил к ней, просил совета, поддержки. И она всегда помогала. Спасибо ей.

Рад судьбе, что видел её счастливой со мной.

* * *

Надеюсь, много раз приеду в деревню. У меня есть ещё баня, лодка, снасти, меня ждут мои шуки и окуни.

Мне всегда рады в Кишкойле, помнят и Эттель. Почему? Я же фактически помог «перепрыгнуть» деревне в XXI век. Бизнесмен, настойчивый, смелый, богатый, умный, быстро решил вопрос: в деревню провели свет. Мир здесь изменился, взлетела земля в цене, началось бурное строительство. Много работников и детей отдохнули в этом прекрасном уголке после этого и ещё отдохнут.

...И я приеду. Может, теперь туристом.

Прямо к деревне в последние годы придвинулась туристическая база. Дома с полным комфортом. Моей пенсии для оплаты дома на неделю хватит, но коттеджи-то с душем и телевизором. Так и про шук можно забыть и писать мемуары, письма, читать всякую всячину и мечтать.

Здесь можно писать стихи!

Стихи писал со школьной скамьи. Были две внушительные рекомендации в Литературный институт от солидных поэтов, впечатленных первой моей тетрадкой стихов. Юношеская поэма прозвучала даже на Всесоюзном радио СССР. Когда со скоростью экспресса миновала юность, стал запрещать себе писать именно стихи. Мешали работать. Надо в газетный номер сдавать срочно материал, а на тебя накатит, ходишь — твердишь рифмы, найдешь ритм, метафоры, и не уйти. Вдохновение — тетка капризная: что хочешь, то и делает с тобой.

А если ты еще влюблён?

Я любил влюбляться. Без этого нет поэзии и поэтов. Проходит жар влюбленных, а годы холод сторожит. Уходят в прозу строчки, а дочка делом делает, и внук в стихи не верит, вот в интернет охотно. Да и самому уже не до стихов.

И все-таки сам «по случаю» себе разрешаю зарифмовать пару строк. Вот, например, день рождения внука:

*Ну что сказать тебе, мой милый внук?
Мы в этом сами виноваты,
Что столько денежек вокруг,
А мы с тобою небогаты.*

Или ломается моя несравненная «Нива» — ей 26 лет, и я рифмую:

*Мчатся су-и на «Судзуки»,
Я на «Ниве» всё пилю,
Вот поймаю одну су-у,
И «Судзуки» отберу.*

Так что приеду в деревеньку свою мемуары писать. И, может, найду ответ на вопрос: зачем человек живет? Или уже нашел?

* * *

Туризм.

Сложная тема. Его взлет беспокоит. Лично наблюдал негативные явления в Сямозерье. Например: за два часа, пешком, посетил три турбазы. Вокруг Сямозера их с десяток. Но в каждом заливишке ставить туристическую базу, на мой взгляд, неразумно, безответственно.

Лето 2025 года обнажило проблему до предела. Берега озера были облеплены авто, палатками, лодками. Что плохого?

Иван Грозный указал сямозерцам присылать ему 100 судаков и 300 лещей в год. В 2025 году царь наш вряд ли бы получил свою дань. Сотни и сотни рыб выловлены туристами. Надолго ли хватит?

Или ещё пример. Ангелахтинской турбазе отдали целый большой полуостров. Турбаза широко развернулась и выползла с полуострова на шикарный пляж. Мелководный, с мелким-мелким песком, вода на котором быстро прогревается. Детям здесь купаться хорошо. Пляж обрамлен сосновым лесом с белыми грибами и черникой. По этому лесу проходит дорога, позволяющая и «жигуленку» сюда проехать. Дорога идет из Кишкойлы в Ангелахту. Она возникла несколько столетий назад. Новоявленные «хозяева» пляжа из ангелахтинской турбазы,

пока строили на пляже ресторан, воспользовались этой дорогой. Когда стройка приутихла, «хозяева» бульдозерами, экскаваторами разрушили дорогу — въезд со стороны Кишкойлы и Эссойлы.

Проклятья сыплются на головы жадных захватчиков пляжа, а им хоть бы хны. Встаёт вопрос: почему Эссойльский поселковый совет такое терпит?

Проблем с туризмом много. Необходимо в каждом органе власти иметь специалиста по туризму. Надо создавать общественные советы. Анализировать новый бизнес. Изучать и вести дело умно, толково. Можно привлечь студентов и преподавателей Института туризма Петрозаводского университета. Польза для бизнеса и института будет огромная.

Не осмыслен туристический бизнес в Эссойле. Поселок мог бы иметь большие поступления для себя и всех местных жителей от туризма, пока дикого и пугающего. Думаю, что это впереди.

...Вот я и загрустил в «священной роще». Мне ли на девятом десятке о чем-то беспокоиться? Надеюсь, без меня разберутся, ума не хватит, искусственный интеллект подключат.

А пока пойду в баньку свою, надо решить: стирать или не стирать красную куртку Эттель. Запылилась...

Олег Георгиевич ЧИСТЯКОВ

родился 6 ноября 1941 года в д. Малое Гольшево Березовского района Пермской области. Среднюю школу окончил в 1959 году в г. Светогорске Ленинградской области.

Окончил заочное отделение факультета журналистики Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова (1970 г.),

Ленинградскую партийную школу (1975 г.).

Награжден медалью «Ветеран труда» (1988 г.), нагрудным знаком Федеральной архивной службы «Почетный архивист» (2001 г.), почетным знаком Российского общества историков-архивистов (2003 г.), Почетными грамотами Главархива РСФСР и Федеральной архивной службы России (1988, 1998 гг.),

Почетными грамотами Республики Карелия (1996 г.), правления Союза журналистов КАССР (1991 г.),

Союза журналистов Республики Карелия (2001 г.).

В 2005 году О.Г. Чистякову присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Карелия».

